родилась в лесах Германии, то Болтин, действуя своим излюбленным приемом сравнительно-исторических сопоставлений, доказывал тожество древнерусского общественного строя с древнегерманским и древнеримским. Он утверждал, что, подобно древнейшему периоду римской истории, когда римляне делились лишь на два сословия — патрициев и плебеев, или подобно тому же периоду в истории древних германцев, когда они делились на вельмож и на людей (Leute), подобно тому и «народ руской в самой древности разделялся токмо на два сословия — на бояр и людей». «Муж» Русской Правды это и есть боярин (он выделялся из массы свободных «по роду и по богатству»), а «княж муж» — вельможа, т. е. тот же боярин, но близкий к князю: «людином» обозначен в Правде всякий простой свободный и, по своим дворянско-аристократическим взглядам Болтин переводит термин «людской» также «дворянский», «шляхетский». Вся масса древнерусского общества свободных делилась «на многие степени по различию званий и служений», и критерий этого деления на степени навеян Болтину, несомненно, его крепостническими представлениями о характере всякого свободного древнего общества. «Единственное упражнение и промысел свободных» — это военное дело; все другое «считали они для себя низким». Высший слой свободных — это те, кто был занят «единственно приличным» свободному ремеслом и состоял в дружине — княжеской или боярской. Те, кто не мог переносить трудностей военного дела «по слабости телосложения или по недостатку ратоборного духа», однако кто в то же время «всякою работою гнушался, яко упражнением, рабам свойственным», занимались охотой, проводили время «в праздности и пьянстве»; по терминологии Русской Правды — это «огнищане». Ниже стоят те категории свободных, которые, однако, не гнушаются работой. Это прежде всего тот, кто отправляет «должность некоего чиновника домового» при дворе княжеском или боярском, по терминологии Русской Правды — «гридин». А затем та категория свободных, которая не могла пользоваться, с точки зрения крепостников, всеми правами свободных вследствие того, что занималась «упражнением, рабу свойственным», именно — «земледельцы и всякие, упражняющиеся в черной работе». По терминологии Русской Правды — это «смерды», которые «свободны, но презираемы». Наконец, несвободные скрыты в Русской Правде под рядом терминов в зависимости или от функций, ими выполняемых, или же от источника рабства; термины эти «отрок», «рядович», «челядин» и «закуп» (под этим термином скрыт кабальный холоп, хорошо, как полагает Болтин, затем известный по Судебнику 1550 г. и Уложению). Можно думать, что для Болтина торговля, ни «обтовая или воловая», ни «мелочная», не была явлением древнейшего общественного строя. Но уже в эпоху договоров с греками и тем более в эпоху Русской Правды, когда, как мы видели, вопреки обличаемым Болтиным клеветникам, Русь достигла значительных успехов, Болтин, конечно, видит купцов, представителей мелочной торговли и гостей, ведущих оптовую заморскую торговлю; гости даже пользовались «многими правами и преимуществами и считались в людех почетных». Таковы те основные черты общественного строя эпохи Русской Правды, из которых исходит Болтин в своем комментарии.[8]

Нет смысла специально указывать и останавливаться подробно на том, что ряд институтов Русской Правды не мог быть надлежаще понят Болтиным с его социологическими взглядами. Так, например, дикая вира,

---

[8] Правда Русская..., см. все упомянутые термины по предметному указателю в конце издания.